

RU

Ремифологизация истории в романе Джеффри Жирара “Truthers”

Шалагина О. В.

Аннотация. Целью исследования является выявление особенностей процесса ремифологизации истории в романе американского писателя Джеффри Жирара “Truthers”. В статье представлен анализ художественного произведения, входящего в тематическую группу литературы 9/11 и основанного на популярной теории заговора, а также затронут вопрос влияния литературного мифотворчества на построение реальности читателя. Научная новизна работы заключается в том, что литературоведческий анализ творчества Дж. Жирара впервые представлен в отечественном литературоведении. Полученные результаты исследования показали, что писатель в художественной форме подвергает критике конспирологические теории, образовавшиеся вокруг теракта 11 сентября 2001 года, а также, обращаясь в повествовании к научно-теоретической базе формирования и функционирования теории заговора, в рамках художественного произведения вовлекает читателей в процесс развенчания исторического мифа.

EN

History Remythologisation in Geoffrey Girard’s Novel “Truthers”

Shalagina O. V.

Abstract. The research aims to identify the particularities of the process of history remythologisation in the novel “Truthers” by the American writer Geoffrey Girard. The paper analyses a work of fiction included in the thematic group of 9/11 literature and based on a popular conspiracy theory, as well as touches on the influence of literary myth-making on the construction of the reader’s reality. The research is novel in that it is the first in Russian literary studies to present a literary analysis of G. Girard’s work. The research findings have shown that the writer criticises the conspiracy theories formed around the terrorist attack of September 11, 2001 in an imaginative form. In addition, addressing the scientific and theoretical basis of the formation and functioning of the conspiracy theory in his narrative, G. Girard involves readers in the process of debunking the historical myth within a work of fiction.

Введение

Теракт 11 сентября 2001 года вошел в историю США как историческая травма, формирующая культурную идентичность. Польский социолог П. Штомпка (2001, с. 9) доказывает, что коллективные травмы могут быть вызваны как достоверным, так и фальшивым распространением информации о событии. Трагедия 11 сентября легла в основу многочисленных произведений искусства, а тематическая группа литературных произведений, описывающих теракт, получила терминологическое обозначение – литература 9/11. Кроме того, как и любая крупная катастрофа, теракт 11 сентября породил вокруг себя мифы и теории заговора, которые сегодня можно назвать отдельной категорией нарративной культуры.

В 2017 году был опубликован роман Дж. Жирара “Truthers”, раскрывающий теории заговора о теракте 11 сентября. Роман не переведен на русский язык, дословный перевод его названия – «Правдорубы», этим словом обычно иронично обозначаются любители конспирологии, сторонники теории заговора, якобы раскрывающие правду о событиях и о том, что и кто за ними стоит. Основной целью своего произведения писатель видит диалог с юным читателем и ответ на многочисленные вопросы молодого поколения о конспирологии вокруг известных исторических событий. В слове автора к роману Дж. Жирар приводит результаты опроса, опубликованного Американским институтом предпринимательства в 2013 году, согласно которым более трети американцев верят в то, что правительство США участвовало в подготовке терактов 11 сентября 2001 года или предприняло недостаточные действия для их предотвращения с целью вступления в войну на Ближнем Востоке. В романе “Truthers” писатель исследует наиболее популярные теории заговора, родившиеся вокруг крупнейшего теракта современности.

Анализ романа “Truthers”, представленный в данной статье, предпринимается в отечественном литературоведении впервые. На фоне роста популярности новых конспирологических теорий вокруг происхождения

и лечения коронавируса роман Джеффри Жирара, а также литературоведческое исследование этого произведения искусства обретают особую актуальность, так как в современном мире конспирологические теории создаются по разным поводам и с их помощью предпринимаются попытки объяснить многие явления – от природных катастроф до выборов.

На примере романа “Truthers” мы изучим подход американского писателя Дж. Жирара к ремифологизации истории и отметим, как художественная литература, основанная на исторических мифах, вступая во взаимодействие с читателем, влияет на формирование реальности. Разработка заявленной темы предполагает решение следующих задач: провести комплексный анализ жанровых, идейно-образных и проблемно-тематических особенностей романа “Truthers”, выделить средства ремифологизации исторического события, к которым прибегает автор произведения, а также определить роль художественной литературы в процессе конструирования и разрушения исторического мифа. Для реализации поставленных задач были применены культурно-исторический и формально-логический методы исследования и метод целостного анализа художественного произведения. Теоретическую базу исследования составляют работы как литературоведов и культурологов – М. Н. Липовецкого, Е. В. Пилюгиной, Е. А. Зверевой, С. В. Масловой, так и социологов, историков и философов – П. Штомпки, П. Новика, А. Ассман, С. Жижека, Ж. Бодрийера.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования результатов при чтении курсов литературоведческих дисциплин, спецкурсов и семинаров по зарубежной литературе и современной литературе США.

Основная часть

Действие романа Дж. Жирара “Truthers” разворачивается через пятнадцать лет после теракта 9/11. По сюжету в 2001 году главной героине Кэти Уоллес было около двух лет. Девочка не помнит этот день, для нее эта известная дата – просто часть общей истории, не больше, чем «убийство Кеннеди или затопление Титаника» (Girard, 2017, с. 32) (здесь и далее перевод с английского языка выполнен автором статьи. – О. Ш.). История не волнует семнадцатилетнюю Кэти до тех пор, пока ее отец не попадает на принудительное лечение в психиатрическую клинику после нападения на коллегу, не разделяющего теорию заговора о теракте, которой придерживается Скотт Уоллес. После ареста он не отказывается от «личных взглядов на историю» (Girard, 2017, с. 40) и намекает Кэти на то, что сам был свидетелем убийства пассажиров рейсов 11 и 175. По его словам, самолеты, врезавшиеся в башни-близнецы, в действительности заранее подменили на радиоуправляемые пустые аналоги, а их пассажиров похитили и расстреляли в ангарах аэропорта Кливленд. Скотт Уоллес рассказывает, будто в день трагедии он работал в аэропорту охранником, а мать Кэти была одной из погибших пассажирок, но перед смертью она якобы передала ему младенца, которого он удочерил. Из этого следует, что сама Кэти осталась единственным живым свидетелем преступления. Согласно этой теории, Кэтлин Уоллес сопоставляется с младенцем Моисеем, спасенным от ужасного заговора. Девочку выкрали, спрятали и вырастили под чужим именем в чужой семье (Girard, 2017, с. 33).

Современные культурологи сходятся во мнении, что «миф не отражает реальность, а выражает ее», мифологизация является «процессом образования мира» (Лымарь, 2014, с. 69). По словам Е. В. Пилюгиной (2016, с. 106), миф отражает преломленную реальность, по сути он формирует мир для субъекта; поэтому миф невозможно опровергнуть, он требует лишь веры в себя и эмоционального отклика. Е. А. Зверева (2011, с. 199) пишет, что, зарождаясь в рамках художественной литературы, неомиф нередко выходит за ее пределы и продолжает жить в массовой культуре. С. В. Маслова (2007, с. 210) описывает две оппозиционные тенденции современной культуры: потребление мифов массовым сознанием и разрушение массовых мифов или ремифологизация. Дж. Жирар прибегает ко второму типу репрезентации массового мифа, что выделяет его роман среди традиционных произведений жанра конспирологической прозы.

В форме романа воспитания на примере истории о Кэти Уоллес Дж. Жирар поэтапно объясняет читателю теоретические основы механизма конструирования теорий заговоров, их функционирования и влияния на общество с точки зрения психосоциальных наук. Например, в лице отца Кэти Дж. Жирар рисует типичный портрет конспиролога. Имея за спиной опыт службы в горячих точках, Скотт Уоллес склонен к чрезмерной осторожности и подозрительности даже в мирное время. Он не верит в медицину и утверждает, что это пустая трата денег, не пользуется электронными банковскими счетами, потому что не хочет становиться частью системы. Офицер полиции сообщает, что отец Кэти задержан за то, что избил человека и угрожал, что похитит и подвергнет пыткам бывшего министра обороны США Дика Чейни. Кэти и раньше слышала, что ее отец возмущался новостями о политике, военными спекуляциями властей и жадностью корпораций, но была уверена, что он не склонен к жестокости.

Любая крупная трагедия порождает огромное количество слухов, домыслов и мнений, которые поддерживают и распространяют «правдорубы» (truthers). Случайные факты подтверждают конспирологические теории, но не доказывают их истинность. Например, глядя на старый полароидный снимок из парка, на котором семилетняя Кэти катается на пони, а папа идет рядом, девочка замечает, что они с папой ни капли не похожи друг на друга.

Дж. Жирар описывает причины привлекательности конспирологии для новых адептов. Большая часть теоретической информации о феномене конспирологических теорий дается в произведении в форме диалогов между Кэтлин Уоллес и другими героями романа. Например, на собрании конспирологов молодой человек

в зале делится с Кэти мыслью о том, что главная проблема Truthers заключается в том, что порог доступа в это сообщество слишком низок. Не требуется никаких специальных знаний и образования, достаточно опубликовать на соответствующем сайте любые догадки, и ты уже «в деле», являешься хранителем высшего «знания», недоступного обыкновенным людям (Girard, 2017, с. 145).

Теорию о конспирологических учениях Дж. Жирар вкладывает в уста одного из героев, студента юридического факультета Макса Томпсона. Большая часть информации о феномене теорий заговора представлена в виде диалогов между Кэти и Максом, где Макс неизменно выступает в роли мудрого учителя, а Кэти – в роли наивно-сомневающегося ученика. Например, Макс говорит Кэти, что создатели теорий заговора основывают их на показаниях всего нескольких очевидцев, игнорируя тысячи других свидетелей. В Интернете такие люди заходят только на сайты, информация которых согласуется с их собственной точкой зрения. По П. Новичку, коллективная память «не терпит многозначности» и «видит события единственно в перспективе собственных интересов» (Цит. по: Ассман, 2014, с. 24). В результате нахождения в информационном «пузыре» у них создается иллюзия поддержки. По словам героя, конспирологи вовсе не пытаются докопаться до истины, потому что они игнорируют факты, которые опровергают их гипотезу, объявляя их ложными и утверждая, что они подделаны правительством, и принимают во внимание и считают подлинными только те факты, которые хотя бы косвенно подтверждают теорию заговора. Поэтому ни одно конспирологическое расследование нельзя считать объективным.

Дж. Жирар дает читателям ответы на вопросы, связанные с политикой США. «Для чего правительству США убивать три тысячи своих собственных граждан?», – спрашивает Макс Томпсон сомневающуюся Кэти (Girard, 2017, с. 129). В ответ девочка предполагает, что 11 сентября было секретной операцией «под чужим флагом» и приводит в пример нацистов, которые сжигали собственные здания, чтобы обвинить в этом преступлении коммунистов и получить моральное право на применение военной силы. Она озвучивает общественно распространенную точку зрения и указывает на то, что американские компании смогли заработать на последствиях 11 сентября. Например, производители оружия получили триллионы долларов на войне в Ираке и Афганистане. Войдя в Афганистан, США открыли себе доступ к нефти. Корпорация “Halliburton” обогатилась на шестьдесят миллиардов долларов на одной только иракской кампании, ее исполнительным директором в то время как раз являлся Дик Чейни. Однако Макс предлагает иную версию: американское правительство не убивало своих граждан, чтобы развязать себе руки для войны на Ближнем Востоке, а только использовало последствия трагедии в своих целях (Girard, 2017, с. 130).

Говоря об использовании травматических воспоминаний в пропагандистских целях, А. Ассман (2014), немецкий историк, работающий в области исследований памяти (memory studies), приводит метафоричную, но меткую цитату из романа И. Звево «Самопознание Дзено»: «Настоящее дирижирует прошлым, словно музыкантами оркестра. Настоящему нужны именно такие звуки, а не другие. Поэтому прошлое кажется то ближе, то дальше. Оно то звучит, то умолкает. На настоящее воздействует лишь та часть прошлого, которая нужна, чтобы либо высветить это настоящее, либо затемнить его» (с. 11). Расследование Кэти приводит ее к сопоставлению теракта 11 сентября с крупными историческими катастрофами. Крушение пассажирских самолетов сравнивается с затоплением лайнера «Лузитания», торпедированного во время Первой мировой войны. Как и 11 сентября, катастрофа «Лузитании» позволила правительству Великобритании вступить в Первую мировую войну. «Лузитания» представляется жертвой, случайно или намеренно принесенной Великобританией участии в Первой мировой войне (Girard, 2017, с. 139). В романе описание трагедии «Лузитании» поддерживает главную идею теории заговора о заинтересованности американского правительства в террористической атаке Аль-Каиды.

Для доказательства ложности конспирологических теорий автор романа прибегает к простейшим методологическим принципам. Обсуждая теорию сообщества Truthers, Макс предлагает Кэти взглянуть на слабые стороны предполагаемого заговора: почему выбран именно аэропорт Кливленда, в котором столько свидетелей? Для чего было вести людей к ангару у всех на глазах, если можно было припарковать самолет сразу внутри него? (Girard, 2017, с. 231). Подруга Кэти Сиджей тоже говорит девочке, что, по закону Мерфи, самый простой способ обычно является самым верным, а теории заговора обычно слишком усложняют причины произошедших событий. Она объясняет суть методологического принципа бритвы Оккама: не следует множить сущее без необходимости. Кэти и сама знает, что «среди возможных вариантов ответов следует выбрать ответ с наименьшим количеством допущений» (Girard, 2017, с. 84).

На примере Кэти Уоллес Дж. Жирар создает один из вариантов психологического портрета сторонника теории заговора. Девочка перенимает конспирологическую картину мира, чтобы исцелить личные детские травмы. Кэти испытывает сильные эмоции при одной только мысли о том, что ее мама не бросила ребенка, а героически погибла, дав дочери шанс на спасение. Раньше, думая о маме, Кэти только рисовала в воображении положительный образ, и вот теперь ей представляется реальная возможность реабилитировать в своих глазах исчезнувшую родительницу. «Без 9/11 ты просто очередная девочка, которую бросила мама», – говорит себе Кэти (Girard, 2017, с. 306).

Мотивы расследования Кэти, на которое ее толкает индивидуальная травма утраты матери, схожи с мотивами расследования юных героев других произведений литературы 9/11, Оскара Шелла, героя романа Дж. С. Фоера «Жутко громко и запредельно близко» (2005 г.) и Джесси Маклаурин, героини романа В. Миллс “All We Have Left” (2016 г.): герои пытаются найти или придать достаточный смысл событию, которое изначально бессмысленно. «Они все погибли, и ради чего?», – не понимает Джесси (Mills, 2017, с. 331). Девочка бесконечно задается этим вопросом, но не находит на него ответ: «Но это нельзя понять. Это все равно,

что пытаться объяснить, почему молния бьет туда, куда бьет, или почему матери пристегивают младенцев в автокресле и топят машину в океане. Нет никаких причин. Есть только непонимание» (Mills, 2017, с. 335). Жертвы террористической атаки 11 сентября 2001 года – это случайные люди, оказавшиеся в определенном месте в определенное время. Словенский философ С. Жижек утверждает, что каждый из нас есть потенциальный *homo sacer*, так как в случае катастрофы стать жертвой высшей политической борьбы может абсолютно любой (Meek, 2010, с. 186).

Макс Томпсон объясняет Кэти, что иногда случаются вещи, в которых никто не виноват. В светском мире в таких случаях конспирология пытается взять на себя роль Бога: «Я хочу сказать, что людям нравится верить в то, что кто-то виноват. Что во всем есть смысл. Есть причина того, что люди умирают, голодают, воюют, что угодно. Это может быть причина, которую мы не понимаем, но она должна быть. И тысячи лет Бог – что бы это ни значило – создавал эту причину. У всего этого был грандиозный план. Ну, теперь его больше нет. И его воображаемого плана тоже». // «И мы заменили Бога верой в конспирологию» (Girard, 2017, с. 284).

Словно психотерапевт, Макс говорит Кэти болезненные, но правдивые слова: «...иногда террористы убивают», «иногда мамы просто уходят» (Girard, 2017, с. 285). И наконец в голову Кэти закрадывается мысль: неужели она действительно поддерживает теорию заговора только для того, чтобы объяснить себе уход матери? (Girard, 2017, с. 287). В финале романа Кэти окончательно убеждается в том, что подвергала сомнениям официальную версию исторических событий 11 сентября, чтобы оправдать отца и найти свою мать: «Я никого ни от чего не спасала. Я спасала себя от приемной семьи. От дальнейшего унижения. От воспоминаний о бросившей меня матери. Просто заменяя ее кем-то другим. Даже если это значило обвинить правительство в убийстве трех тысяч американцев» (Girard, 2017, с. 323).

В произведении поднимается морально-этический вопрос создания теорий заговора и ответственности конспирологов перед родственниками погибших. Для себя Кэти разрешает его следующим образом: если это не попытка прославиться на трагедии и увеличить количество подписчиков, а попытка узнать правду, то она допустима.

Макс и Кэти спорят о роли США в мировой политике. Макс утверждает, что США – лучшая страна в мире, которая каждый день спасает множество жизней по всей Земле. Например, Америка направляет Северной Корее средства на борьбу с голодом. «США – худшая страна на Земле, если не брать в расчет все остальные», – говорит он (Girard, 2017, с. 226). Кэти акцентирует внимание на том, что США каждый день убивают людей в разных странах, в том числе и мирных жителей, экспортируют оружие, применяют смертную казнь, имеют коррумпированную систему правосудия, а количество убийств в Америке в пять раз превышает европейскую статистику (Girard, 2017, с. 226). Столкновение двух субъективных точек зрения не приводит героев к истине.

Создание симулятивной реальности в рамках художественного произведения можно рассматривать как одну из форм мифотворчества, структурирования неомифа. Французский философ-постмодернист Ж. Бодрийяр (2016) называет симулякр копию, не имеющую оригинала в реальности. В своем нашумевшем эссе «Войны в заливе не было» (1991 г.) он выдвигает идею о симулятивности современной истории в глазах массовой культуры. По его мнению, время, когда на мировой арене велись войны, прошло, на смену ему пришла эпоха пассивных заложников СМИ, которыми являемся «все мы», помещенные «в симулякр войны, словно под домашний арест» (с. 15-16). Публичное освещение трагических событий – это не демонстрация реальности, а всего лишь симуляция. И чем достовернее представляется аудитории теория, предложенная интерпретаторами, тем глубже зритель «впадает в иллюзию виртуальности», потому что даже если у виртуального события и есть реальный прототип, то самой возможности воссоздания события, как оно есть, в рамках литературы или медиа не существует, утверждает Бодрийяр (2016, с. 46-47).

М. Н. Липовецкий (2006, с. с. 53-54) выделяет эффект исчезновения реальности как одну из основных характеристик «постмодернистской ситуации». Исследователь объясняет, как жизнь в мире симуляции приводит к исчезновению субъективности, так как субъективность также складывается из совокупности симулякров. В хаосе идеологий, мифологий и стереотипов уничтожается феномен правды, потому что его заменяет многообразие трактовок. «Лично я всегда был ярким охотником за правдой, – говорит в интервью сам Дж. Жирар. – И “правда” всегда значила для меня больше, чем реальные последствия, суждения и т.д. Возможно, в результате написания “Truthers” недавно я присоединился к философской школе “истины нет”. Ее искание по-прежнему имеет ценность, но существует не столь уж много того, что я еще считаю фактом/правдой. Существуют просто... интерпретации» (Цит. по: Lovy, 2017).

В финале романа с помощью друзей отца Кэти берет в плен следователя Пола Кобба, которого считает главным злодеем. Из разговора с ним девочка выясняет, что во время участия в военной кампании ее отец был свидетелем жестокой резни, что и пошатнуло его психическое здоровье, и эти травматические воспоминания, скорее всего, легли в основу теории заговора об 11 сентября. Кобб отказывается раскрыть известную ему информацию более подробно, так как, по его словам, она засекречена. Но Кэти не готова идти до конца, отказаться от своей человечности и подвергнуть человека пыткам даже ради выяснения правды. Она принимает решение освободить Пола Кобба. «Правда и ложь настолько переплетены, неизвестно, узнаю ли я когда-нибудь, что произошло на самом деле», – говорит Кэти (Girard, 2017, с. 346). Так, вопрос правдивости истории Скотта Уоллеса в финале романа остается открытым.

Одним из наиболее ярких средств конструирования, распространения и разрушения мифологии становится художественная литература. Она не просто раскрывает перед аудиторией массовые мифы, но и заставляет

читателей самостоятельно прибегать к критическому осмыслению написанного в процессе работы с текстом. М. Баттер и П. Найт (Butter, Knight, 2020) пишут, что уже писатели-модернисты намеренно приглашают свою аудиторию к «параноидальному» чтению (paranoid reading): их произведения предполагают, что читатель будет искать скрытые смыслы, проводить параллели между событиями, замечать неочевидные сравнения. В постмодернистской литературе этот подход к построению текста укрепляется и критическое восприятие произведения становится нормой. Метамодернистский читатель, в свою очередь, отказывается от недоверчивости, он принимает правила литературной «игры» и соглашается верить написанному, именно поэтому Дж. Жирар выбирает более объективную стратегию ремифологизации истории и оставляет финал расследования открытым.

Заключение

Роман “Truthers” основан на конспирологических теориях, которые в действительности существуют вокруг 9/11. В произведении поднимаются психосоциальные вопросы о причинах популярности теорий заговоров, средств и способов их создания, об ответственности конспирологов перед семьями погибших. Затрагивается тема переживания ребенком травмы отсутствия: изучение истории 9/11 помогает Кэти справиться с потерей матери. Подробно описав механизмы формирования и функционирования конспирологических теорий, Дж. Жирар предоставляет своей аудитории информацию, направленную на развенчание популярного мифа, но все же не берет на себя ответственность доподлинно утверждать его ложность или правдивость, и финальное решение о личной вере или неверии в теорию заговора остается за читателем.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в сопоставительном анализе художественных произведений данной тематической группы авторства различных американских писателей и в выделении общих тенденций корпуса художественных текстов литературы 9/11.

Источники | References

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
2. Бодрийяр Ж. Войны в заливе не было // Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / пер. с фр. А. Качалова. М.: РИПОЛ-классик, 2016.
3. Зверева Е. А. Функции мифа и бренда в процессе медиатизации постмодернистской реальности // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 9.
4. Липовецкий М. Н. Постмодернизм в русской литературе: агрессия симулякров и саморегуляция хаоса // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2006. № 1.
5. Лымарь А. А. Миф и мифологизация: история и проблемы концептуализации // Вестник Тюменского государственного университета. Философия. 2014. № 10.
6. Маслова С. В. Функционирование мифа в современной культуре: контекст перехода к рациональности постмодерна // Известия Томского политехнического университета. 2007. № 2.
7. Пилюгина Е. В. Неомифология постмодерна // Философия и общество. 2016. № 1 (78).
8. Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования. 2001. № 1.
9. Butter M., Knight P. Conspiracy Theory in Historical, Cultural and Literary Studies // Routledge Handbook of Conspiracy Theories / ed. by M. Butter and P. Knight. N. Y.: Routledge, 2020.
10. Girard G. Truthers. Minneapolis: Carolrhoda Lab, 2017.
11. Lovy H. The Alternative Truth is Out There; ‘Truthers’ Examines Roots of Conspiracy. 2017. URL: <https://www.forewordreviews.com/articles/article/the-alternative-truth-is-out-there-truthers-examines-roots-of-conspiracy>
12. Meek A. Trauma and Media: Theories, Histories, and Images. Abingdon: Routledge, 2010.
13. Mills W. All We Have Left. N. Y.: Bloomsbury, 2017.

Информация об авторах | Author information

Шалагина Ольга Вадимовна¹

¹ Казанский федеральный университет

Shalagina Olga Vadimovna¹

¹ Kazan Federal University

¹ olga.shalagina@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.05.2022; опубликовано (published): 30.06.2022.

Ключевые слова (keywords): литература 9/11; Джеффри Жирар; ремифологизация; теория заговора; конспирология; 9/11 literature; Geoffrey Girard; remythologisation; conspiracy theory; conspiracy theorism.